
Т. Н. ЗАГОРОДНИКОВА

**ТРИФОН КИРИЛЛОВИЧ ЧОКОВ,
ЧЕЛОВЕК ФРОНТИРА, И ЕГО ТРАГЕДИЯ***

Статья посвящена жизни и деятельности на острове Цейлон русского предпринимателя, купца-чаеоторговца Трифона Кирилловича Чокова (ум. 1912), который одним из первых начал прямую торговлю чаем с Цейлоном. Будучи человеком активным и инициативным, он стал предводителем небольшой русской колонии, часто замещал отсутствовавшего вице-консула, исполнял должность консульского агента и в этом качестве играл роль хозяина острова для многочисленных русских, остававшихся проездом или специально посещавших остров. Автор рассматривает деятельность Т. К. Чокова как человека фронтира, некоей территории, на которой он хотел утвердиться сам и утвердить влияние Российской империи. Он считал, что надо развернуть свой бизнес и привлечь других русских купцов, показать, что этот далекий остров может быть выгодным приобретением для России. Его мечтой было стать русским вице-консулом в Коломбо, но все его инициативы не были поддержаны Петербургом. Трагедией этого человека было то, что для России Цейлон не был фронтиром.

Ключевые слова: фронтир, И. А. Бунин, «Соотечественник», Цейлон, чайная торговля, русско-цейлонские отношения, русская колония на Цейлоне.

Фредерик Джексон Тёрнер (1861–1932), преподаватель истории в университете штата Висконсин, первым обратил внимание историков на проблемы и особенности фронтира¹. Тогда это было повседневностью его бытования или вчерашним, свежим в памяти, днем, слишком своеобразным, чтобы не обратить на него внима-

* **Для цитирования:** Загородникова, Т. Н. 2023. Трифон Кириллович Чоков, человек фронтира, и его трагедия. *Историческая психология и социология истории* 1: 45–59. DOI: 10.30884/ipsi/2023.01.03.

For citation: Zagorodnikova, T. N. 2023. Trifon Kirillovich Chokov, a Man of the Frontier, and His Tragedy. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 1: 45–59 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2023.01.03.

¹ Фронтир – от английского *frontier*, букв. «рубеж, граница».

ния: специфика феномена требовала его осмысления. Фронтирная теория разрабатывалась главным образом в американской историографии и лишь в последнее время привлекла внимание российских историков, по большей части исследователей Сибири и южных областей европейской части России.

Вот какое определение фронта дают современные историки А. П. Романова и С. Н. Якушенок:

- 1) фронт – территория между двумя государствами;
- 2) фронт – территория между заселенными и незаселенными пространствами;
- 3) фронт – передовая часть чего-то, некий авангард (Романова, Якушенок 2012: 75).

Фронт – это уже не только фронт, предел, агон, то есть столкновение двух полярных акторов, но еще и новый открытый мир нелимитированных возможностей, манящий и дающий надежду бурного развития и процветания (Там же: 77).

Но фронт – это еще и люди, готовые быть впереди и идти вперед. Н. Ю. Замятина, сравнивая американский и российский образы фронта, пишет: «Это отчаявшиеся бедняки, вроде страдавших от хронических неурожаев ирландцев и обитателей лондонского “дна”. Русские малоземельные крестьяне, решившиеся на поиски заветного вольного Беловодья. Западноевропейские религиозные сектанты и русские раскольники. Разношерстные ссыльные. Лишенная наследства часть английского дворянства и гордое казачество. Предприимчивые дельцы и просто авантюристы» (Замятина 1998: 77). Все эти люди были в той или иной степени «выдавлены» условиями жизни или обществом из привычного бытования во что-то новое, неизведанное. Для этого надо было обладать недюжинными способностями, это должна быть «личность, открытая для новых решений, выборов, перемены мест, отличающаяся высокой восприимчивостью нового, ментальной свободой, творческим, синкретическим видением реальности, авантюристичностью, нетерпимостью к ограничениям, жесткой регламентации и организации жизни» (Баева 2014: 36). Это были авантюристы, но не в русском понимании этого термина, с его отрицательной коннотацией, а в европейском: скорее, искатели приключений, первооткрыватели, первопроходцы, люди с предпринимательской жилкой, думавшие о своей стране, но не забывавшие и о себе. Ермак, Е. П. Хабаров – люди первого ряда, оставившие свой след в истории, их имена легко

можно найти на географической карте; рядом с ними были люди менее заметные, не оставившие такого значительного следа в истории, но это тоже были люди фронта. Одним из таких людей по духу, по собственному мироощущению был Трифон Кириллович Чоков, русский предприниматель, развернувший свою деятельность на далеком от России острове Цейлон.

В 1869 г. был открыт Суэцкий канал, что существенно поменяло ситуацию в мировом мореходстве и международной торговле и привело к тому, что значение портов Цейлона многократно возросло во всем мире. Это касалось и России: начиналось освоение Дальнего Востока, военные и гражданские корабли все чаще появлялись в водах Тихого и Индийского океанов. Стоянка кораблей под Андреевским флагом в Пойнт де Галле (современный Галле), Тринкомали или Коломбо стала для созданного в 1878 г. Добровольного флота обязательной. С 1880 г. Доброфлотом было установлено постоянное товарно-пассажирское движение между Одессой и портами Азии, в том числе Дальнего Востока. Русские корабли заходили в гавани Цейлона для пополнения запасов угля, продовольствия и воды. Иногда возникали всякие другие неотложные проблемы, решение которых капитаны искали на суше, в портах. Необходимость иметь русского консула на Цейлоне родилась не только в торговых кругах русского общества, но и среди военных моряков. В 1882 г. был назначен первый российский дипломатический представитель в Пойнт де Галле. Это был местный предприниматель Энтони Дельмеж². Первым русским сначала внештатным, а позднее и штатным вице-консулом в г. Коломбо с 1890 по 1898 г. был коллежский асессор Эдмунд Романович фон Фриш. В том же 1898 г. русские чаоторговые компании начали на острове прямые закупки чая, до этого времени чай закупался в метрополии на Минсинг-лейн (другое название – Чайная улица) в Лондоне.

Первое упоминание в архивных документах о Трифоне Кирилловиче Чокове на Цейлоне относится тоже к 1898 г. Э. Р. фон Фриш писал в своем донесении от 30 апреля 1898 г.: «Из русских купцов здесь поселились и открыли торговые дома: поверенные фирмы Молчанова, Печатнова и К^о из Москвы для закупки здесь на месте цейлонского чая и других продуктов острова Цейлон для своей

² Примечательно, что фирма «Дельмеж, Форсайт и К^о», одним из основателей которой был Э. Дельмеж, существует и в настоящее время. Сейчас это одна из крупных фирм с разнообразными сферами деятельности – от туризма до фрахта судов.

фирмы в Москве; другая фирма русских здесь Щербачев, Чоков и К^{о3}, она в связи с фирмой братьев Зинзиновых в Москве и агенты для закупки цейлонских чаев для дома К. С. Попова в Москве. Щербачев, Чоков и К^о также получают субсидию от Добровольного флота по £ 500 в год за три года для того, чтобы способствовать развитию прямых торговых отношений Цейлона и России и этим доставлять более грузов пароходам Добровольного флота. Обе эти фирмы также намереваются заниматься импортом сюда из России таких товаров, которые могут конкурировать с импортом сюда других стран, и я предполагаю, что наш сахар должен найти хороший рынок здесь и в Индии. Кроме этих двух здесь упомянутых фирм, которые теперь уже в полном действии, Токмаков, Молотков и К^о, также московская фирма, предполагает в скором будущем открыть здесь свою контору и один из их служащих уже находится здесь» (Русские... 2010: 148). Трифон Кириллович Чоков был человеком очень активным и инициативным. Став агентом Добровольного флота и Русско-Китайского банка, он получил дополнительные хлопоты и обязанности, но приобрел большой вес в обществе. В порт Коломбо раз в две недели приходили корабли Доброфлота, направлявшиеся в порты Китая и Дальнего Востока и обратно, для пополнения запасов угля, продовольствия, воды. Стоянка продолжалась не менее суток, и пассажиры и команда сходили на берег, чтобы почувствовать под ногами твердую почву. Всеми закупками для кораблей, их команд, сопровождением грузов, улаживанием многочисленных и самых разнообразных нужд и потребностей команды и пассажиров занимался вице-консул и агент Доброфлота. Отсюда и его «несметные знакомства с людьми самых разнообразных классов и положений», как впоследствии напишет И. А. Бунин (1966: 399). Некоторые, как журналист и путешественник П. И. Пашино, останавливались на Цейлоне проездом на 1–2 дня, а кто-то, как сам И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, художники В. В. Верещагин, В. А. Ватагин, ботаники и географы, например В. И. Лип-

³ Вот как описал в 1909 г. деятельность своей фирмы сам Т. К. Чоков: «Из русских фирм первой в феврале 1898 г. основалась наша здесь фирма, причем я получил Агентство Добровольного флота и Агентство Русско-Китайского банка. Вначале мы занялись кроме агентского дела покупкой для московских фирм только чая. Дело наше постепенно расширялось и в данное время приняло крупные размеры как по покупке черных и зеленых чаев, так и разных других товаров, как: кофе, какао, ратана, копры, графита, разных масел и прочих товаров, причем у нас уже кроме Коломбо три отделения: в Москве, Калькутте и Сингапуре» (Русские... 2010: 195).

ский и многие другие, приезжавшие изучать флору острова или конкретно выращивание чайного куста, задерживались и жили здесь месяцами. Общение на острове было строго ограничено рамками небольшой русской колонии или бóльшей по численности, но все равно немногочисленной европейской колонии, поэтому общительный, готовый посоветовать или помочь чем сможет старожил Трифон Кириллович волей-неволей становился для всех другом и помощником.

Русская колония на Цейлоне обычно состояла из вице-консула (кроме него по штату дипломатического представительства полагалось иметь консульского агента или секретаря, но обычно присутствовал кто-то один), трех-четырех представителей чаоторговых фирм, направленных туда вместе с семьями. Всего в начале XX в. она насчитывала чуть более 10 человек. По тем временам это была самая большая колония русских в Британской империи, если не считать саму метрополию; кроме того, в нее вливались командированные или путешествующие, замороженные красотами тропической природы и жившие месяцами, а раз в две недели на берег сходили пассажиры кораблей Доброфлота, делавших остановки в Коломбо. В этот период численность русских значительно возрасла.

Костяк этой колонии составляли все-таки 10–15 постоянно (по нескольку лет) проживавших там русских, главным образом чаоторговцев. Небольшая группа лиц, жившая в чуждом по языку, религии, традициям окружении, была сплоченным коллективом.

Главой колонии по должности считался вице-консул, но чиновники приходили и уходили, а Т. К. Чокон оставался: к 1909 г., по его собственным словам, он переживал уже пятого консула (Русские... 2010: 198). Он был старожилом, заметной фигурой и, имея характер предводителя, был главой этой маленькой группы русских людей, проявлял инициативу, выступая от их имени. Как это часто бывало, спланивающим фактором становилась религия, и вот в 1900 г. Трифон Кириллович начал кампанию по открытию на острове православной миссии. Представители чаоторговых фирм заключили соглашение об ассигновании с 1 января 1901 г. с каждых вывозимых с Цейлона ста английских фунтов чаю по одному центу на русскую церковь и кладбище. Сам Трифон Кириллович заявил о готовности вносить 450 рупий в год на те же нужды и предоставить часть своего помещения для временной домово́й церкви. Кроме того, чаоторговцы обещали собирать 1800 рупий в год на содержание священника. В Священный синод поступило про-

шение об открытии православной миссии на Цейлоне «а) от члена учредителя торгового дома Щербачев, Чоков и К^о купца Трифона Чокова, б) православных русских, проживающих в городе Коломбо на острове Цейлон» (Русские... 2010: 167–168).

В 1901 г. вице-консул В. К. Шнейдер тоже обратился в Министерство иностранных дел с прошением об открытии на Цейлоне православной церкви. Эту инициативу поддержал граф Николай Федорович Гейден, генерал-майор, один из лидеров монархического движения, староста петербургского Казанского собора и действительный член Императорского Православного Палестинского общества, а Иван Васильевич Лопухилов, отставной капитан, окончивший миссионерские курсы при Казанской духовной академии, согласился стать священником-миссионером на Цейлоне. К сожалению, эта инициатива не получила одобрения обер-прокурора К. П. Победоносцева «за неимением у Священного Синода сведений ни о количестве православных, проживающих на означенном острове, ни об условиях, благоприятствующих распространению православной веры среди туземного населения» (Там же: 168). О своем окончательном решении обер-прокурор Святейшего синода сообщил министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу в письме от 5 сентября 1902 г. и просил «не отказать в распоряжении к уведомлению о вышеизложенном купца Трифона Чокова и православных русских, живущих в городе Коломбо» (Там же).

К сожалению, на решение К. П. Победоносцева могла повлиять инициатива вице-консула В. К. Шнейдера. Он хотел превратить это благое дело в некую политическую или даже военно-политическую авантюру. 16 мая 1902 г. вице-консул В. К. Шнейдер послал директору Второго департамента МИД Н. А. Малевскому-Малевичу секретное донесение о возможности открытия православной миссии на Цейлоне, которое он начал с характеристики положения католической церкви на острове: «...я не мог не поразиться тою громадною властью и не отметить то обширное влияние, которым пользуется здесь католическое духовенство и в частности орден иезуитов» (Там же). На Цейлоне проживала значительная группа прихожан секты независимых католиков. Они не признавались римско-католической церковью, в догматическом отношении имели большое сходство с верованиями восточно-христианских церквей и, по мнению вице-консула, были готовы перейти в православие. Для этого-то, по мнению вице-консула, и нужно было основать миссионерский

пост – открыть православную церковь в Коломбо. Шла Англо-бурская война, Великобритании некогда было следить за всем, что происходило на Цейлоне – отсюда вывод: это было время более чем благоприятное для такого рода мероприятий. С открытием православной миссии началась бы пропаганда православия, что, в свою очередь, открыло бы новые возможности для приобретения политического веса на Цейлоне. Вице-консул предполагал расширить влияние Российской империи, а самих новоиспеченных православных использовать в качестве осведомителей или тайных агентов, а также как «возбудителей недовольных элементов» (Русские... 2010: 169–170). Цейлон был расположен вдали от Российской империи, вдали от Большой игры, которая проходила в северной и северо-западной Индии. Со стороны Российской империи этот остров никогда не рассматривался как объект разведки или военных действий. Правительство Российской империи не было заинтересовано в наращивании политического веса в этой отдаленной британской колонии. Сама постановка данного вопроса, увязывание открытия православной миссии с принятием в лоно православия независимых католиков и превращением их в тайных агентов могло только отрицательно повлиять на решение Священного синода.

Русские на Цейлоне выступали иногда с разного рода начинаниями. Так, в августе 1908 г. в связи с 80-летним юбилеем Л. Н. Толстого было решено поздравить его, послав ему телеграмму, некоторую сумму пожертвованных русскими цейлонцами денег на благотворительные нужды и иллюстрированную книгу о Цейлоне «*Picturesque Ceylon*» («Живописный Цейлон»). Лев Николаевич ответил им 5 марта 1909 г. из Ясной Поляны: «Вчера получил вашу великолепную книгу о Цейлоне и благодарю вас за нее, за благотворительные деньги 176 рублей, которые думаю, что распределил сообразно вашему желанию между бедными вдовами нашего околотка. Благодарю еще за добрые слова, сказанные в день моего рождения, и, главное, за те добрые чувства, которые выражены мне так далеко живущими соотечественниками. Лев Толстой» (Толстой 1955: 102–103). Сбор пожертвований на общественные нужды – на книги для библиотеки, на содержание священника и прочее – проводился часто. Сам Трифон Кириллович был среди тех, кто привез в Петер-

бург и подарил Кунсткамере (Музею антропологии и этнографии) цейлонскую маску (Краснодембская и др. 2018: 25)⁴.

Хотя в штат вице-консульства входило два человека: вице-консул, консульский агент или секретарь, но реально на посту всегда был кто-то один из них. Цейлон был отдаленным островом, не игравшим заметной роли в англо-русских отношениях, да и должность вице-консула не была престижной в дипломатической иерархии, хотя в торговых отношениях (особенно в торговле чаем) и морских перевозках на Дальний Восток роль острова была значительной и разнообразной, рутинной работы для вице-консула было предостаточно. Может быть, поэтому российский МИД не спешил посылать своего нового представителя, когда старый отбывал на родину. Эту должность под титулом внештатного консульского агента исполнял один из представителей чаоторговых фирм: например, в 1901 г. это был Щербачев, но чаще всего – все тот же Т. К. Чокков. Так, после экстренного отъезда вице-консула Булаха в 1910 г. (он сошел с ума, был депортирован в сопровождении санитаров на родину и затем уволен со службы по болезни) Трифон Кириллович в качестве внештатного консульского агента встречал и сопровождал Великого князя Бориса Владимировича, двоюродного брата императора Николая II, посетившего остров в ноябре 1911 г. по дороге на коронацию короля Сиам Рамы VI Вачиравууда⁵ (Русские... 2010: 120–121).

Исполняя должность консульского агента, Т. К. Чокков занимался составлением разного рода отчетов. В Архиве внешней политики Российской империи хранятся его донесения, составленные с февраля 1910 по февраль 1911 г., о торговле Цейлона с Россией в целом и по отдельным товарам: резине, чаю, копре, а также о торговых перевозках на судах Добровольного флота (Там же: 201–211). Это добротные составленные, обстоятельные, со статистикой по закупкам и ценам на соответствующий товар отчеты человека, который отслеживал все изменения в конъюнктуре, прекрасно разбирался в положении дел на цейлонском рынке и на этом основании даже строил прогнозы. Трифон Кириллович был человеком

⁴ Маска находится в коллекции № 1842. К сожалению, неправильно прочитана фамилия дарителя: «дар господина Чослева».

⁵ Донесение Т. К. Чоккова об этом в Первый департамент МИД было настолько важным, что на нем была поставлена резолюция: «Спешно. Выписку для Государя».

инициативным, старался привлечь внимание русских купцов к рынку Цейлона, расширить ассортимент торговли России с Цейлоном, сам привозил на продажу пробные партии товаров, например древесину.

Прожив на острове более 10 лет, став настоящим экспертом по торговле с Цейлоном, морским перевозкам, банковскому делу, зная всех и каждого в Коломбо и не видя перспективы роста лично для себя, Т. К. Чоков 1 февраля 1909 г. написал пространное письмо чиновнику особых поручений при министре иностранных дел В. О. фон Клемму о «положении российского дела в Коломбо на Цейлоне и в Калькутте в Индии» (Русские... 2010: 195–199). Адресат был лично знаком Трифону Кирилловичу: Вильям Оскарович фон Клемм был кадровым дипломатом-восточником, окончившим гимназические классы Лазаревского института восточных языков, потом полный курс наук Лазаревского института, а затем и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД. Он был первым российским Генеральным консулом в Бомбее в 1900–1906 гг., побывал на Цейлоне и, как никто другой, разбирался в «положении российского дела» как в Индии, так и на этом острове. Он лично знал и высоко ценил Трифона Кирилловича. Еще осенью 1903 г. из Индии он писал Н. Г. Гартвигу, в то время директору Первого департамента МИД: «Недавно выехал на короткое время в Россию наш консульский агент в Коломбо, крупный чаеоторговец и плантатор Т. К. Чоков. В середине ноября он будет в Петербурге, где представится Вашему Превосходительству... Я не переставал следить... за деятельностью нашего вице-консульства в этом городе и потому действия г. Чокова, управлявшего вице-консульством в отсутствие покойного В. К. Шнейдера⁶ мне довольно хорошо известны. Беру на себя смелость свидетельствовать перед Вашим Превосходительством, что в лице г. Чокова мы имеем весьма дельного, усердного и полезного агента, который при полном знании местных условий и прекрасных отношениях к колониальным властям в Коломбо неоднократно оказывал весьма ценные услуги, как отдельным судам⁷, так и целым эскадрам нашим,

⁶ Василий Карлович Шнейдер был русским вице-консулом в Коломбо в 1900–1903 гг., скончался на следующий год после возвращения в Россию.

⁷ Примером может служить улаживание Трифоном Кирилловичем конфликта между капитаном и командой парохода «Граф Муравьев». В декабре 1909 г. он был вызван в порт. Пароход вез мороженую рыбу из Охотского моря и дичь

заходившим в этот порт. Позвольте мне ввиду этого надеяться, что Ваше Превосходительство удостоите г. Чокова благосклонного приема и не откажете несколькими словами одобрения поощрить его усердие» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 639. Л. 64 и об.).

Т. К. Чоков и В. О. фон Клемм были хорошо знакомы, отсюда и сам факт написания послания от 1909 г., и стоящее в начале «пользуясь Вашим расположением...», и достаточно откровенный тон письма⁸. Демонстрируя прекрасное знание вопроса, первую часть своего послания он посвятил развитию торговли между Россией и Коломбо и Россией и Калькуттой. Вывод автора состоял в том, что значение Калькутты будет непременно возрастать, а следовательно, именно здесь следует находиться Генеральному консульству Российской империи. Он не знал, что к тому времени уже было получено согласие Лондона на перевод нашего консульства в Калькутту, хотя реально оно начало свою работу в столице Индии только 22 февраля 1910 г. По-видимому, Чоков внимательно следил за тем, что происходило в Индии, за настроениями в обще-

из Китая, а рефрижераторы работали слабо. Матросы были измотаны непосильной работой, пища была плохая, а припасы недоброкачественные. Трифон Кириллович удостоверился, что команды – как палубной, так и машинной – совершенно недостаточно. Капитан по поводу и без повода распускал руки. «Для меня не представляло сомнения, что команда имеет основание требовать защиты, и я с легкостью доказал капитану и представителю судовладельцы, что при всем стремлении плавать дешево, настоящий порядок должен быть изменен здесь к их же выгоде, иначе они рискуют вовсе не дойти до места назначения», – писал Т. К. Чоков в донесении в МИД. Трифон Кириллович убедил представителя судовладельцы согласиться со всеми требованиями команды, а капитана обещать не распускать руки. В тот же вечер пароход «Граф Муравьев» благополучно оставил порт Коломбо (Русские... 2010: 200–201).

⁸ Еще одним свидетельством их близкого знакомства и регулярной переписки может служить письмо В. О. фон Клемма к Т. К. Чокову от 23 февраля 1907 г. по поводу возможности дальнейшего сотрудничества с индийцем Халил-уд-дин Ахмедом. Представив его как преподавателя хиндустани, персидского и английского языков при офицерских курсах восточных языков в Ташкенте на протяжении последних трех лет, далее он пишет: «В Ташкенте он научился довольно порядочно говорить, читать и даже немного писать по-русски, и вообще это человек, на мой взгляд, очень способный. Он желает теперь, по возвращении в Индию, заняться каким-нибудь делом, и мне пришло на мысль, что он, быть может, мог бы быть Вам полезен в каком-нибудь отношении. Если Вы можете воспользоваться его услугами, то буду очень рад.

Я писал Вам недавно подробно и сейчас не имею ничего присовокупить ...». Закрывающие письмо формулы прощания «Крепко жму Вашу руку. Душевно Вам предан» тоже говорят о теплых отношениях между корреспондентами (АВПРИ. Ф. 214. Оп. 779. Д. 14. Л. 172 и об.).

стве и считал, что судить о нем только по газетам было бы неправильно: европейские корреспонденты слишком сдержанны, а «в Индии в самом непродолжительном времени произойдут события, которых англичане не ожидают». Цейлон, как он уже убедился к тому времени, не имел для России никакого политического значения: «Все европейские страны имеют в Калькутте и Бомбее Генеральных Консулов, у нас же в Калькутте никого нет, даже Вице-Консула. Переведите чиновника Министерства в Калькутту, и используйте Вашего Консульского Агента в Коломбо. Вы его знаете, а одиннадцатилетнее пребывание на острове, знание всех и каждого, всех обстоятельств и событий, полнейшее и искреннее желание умело служить Министерству, мне кажется, должны давать этому агенту в Ваших глазах много шансов» (Русские... 2010: 199). В данном случае он имел в виду, конечно, себя, Трифона Кирилловича Чокова, прожившего 11 лет на Цейлоне и не раз замещавшего отбывшего на родину вице-консула. В конце письма он привел сведения о консулах Австро-Венгрии и Италии, Бельгии, Дании, Франции, Германии, Японии, Мексики, Голландии, Норвегии, Персии и Америки: все они были местными, английскими или немецкими, купцами, и ни одна страна не имела консула – чиновника Министерства иностранных дел (Там же).

Сам тон письма и характеристики, данные им купцам («Купцы и фабриканты наши слишком сыты, и приспособляться к местным вкусам и требованиям не в их духе») и консульским агентам («...Вы, не придавая малейшего значения Коломбо, назначаете сюда тех, кто Вам дома даром не нужен»), полны раздражения и желчи. Это письмо созвучно характеристике, которую дал Т. К. Чокову вице-консул А. Ю. Булах в письме от 22 ноября 1908 г. к К. Э. Аргиропуло, старшему советнику МИД: «Я в начале крайне недоверчиво относился к бурным отзывам о г. Чокове, но дальнейшее мое знакомство с ним убедило меня, что это человек в высшей степени несправедливый, грубый и не в меру самолюбивый. Он всеми средствами добивался и продолжает добиваться своей заветной мечты – быть назначенным навсегда нештатным русским консулом в Коломбо» (Там же: 200). Такая нелицеприятная характеристика могла быть основана на личных неприязненных отношениях между только что приехавшим, еще «зеленым» вице-консулом А. Ю. Булахом и занимавшим эту должность в его отсутствие старожилом острова Чоковым. Но вот как описал его в своих записках-мемуарах Сергей Виссарионович Чиркин, секретарь Российского генерального кон-

сульства в Бомбее: «Чоков мне не понравился: он говорил с большим апломбом и аффектированно и держался в отношении нас троих (С. В. Чиркин сошел на берег в сопровождении еще двух пассажиров. – Т. 3.) как-то полупокровительственно. Я еще в Бушире слышал от Н. П. Пассека (генеральный консул в Бендер-Бушире. – Т. 3.), что Чоков был большой самодур и кутила, державший в Коломбо собственный выезд – русскую тройку, на которой он устраивал бешеные гонки по улицам города на страх разбегавшимся в разные стороны сингалезцам» (Чиркин 2006: 150). С. В. Чиркин возвращался в Бомбей после отпуска в 1907 г. и видел Трифона Кирилловича в первый и последний раз, его трудно обвинить в предвзятости.

Неизвестно, была ли какая-нибудь реакция со стороны В. О. фон Клемма на послание Т. К. Чокова, был ли ответ, но ясно одно: вице-консулом его так и не назначили, и это не могло не нанести еще одну рану его самолюбию и самомнению.

Трифон Кириллович Чоков, как нам представляется, был типичным «человеком фронта» – предприимчивым, умелым дельцом, прекрасно разбиравшимся в политических и экономических реалиях Цейлона и Индии и пытавшимся своими знаниями принести пользу России. Его трагедия заключалась в том, что для России Цейлон не был фронтиром – территорией, которую следует завоевать, привязать к себе если не в политическом смысле, то в экономическом; ни купечество, ни власти не откликались на его призывы.

По-видимому, на каком-то этапе своей жизни на острове он постепенно начал это сначала только чувствовать, а потом и осознавать, и в его жизни начал назревать кризис. Отсюда и его чисто русская купеческая бесшабашность и лихачество – гонки на тройке по улицам Коломбо. Но это не спасало, он становился человеком с «надрывом». Это увидел и описал Иван Алексеевич Бунин в рассказе «Соотечественник».

И. А. Бунин побывал на Цейлоне в 1911 г., и остров показался ему раем земным. «Переход по океану был чудесный, нервы пришли в порядок – и все-таки Цейлон так поразил и меня, и Веру⁹, что были мы там положительно как в горячем сне. Ни на что не похоже – и хорошо, одуряющее хорошо так, что начинаешь верить, что здесь был Рай, и всем существом чувствуешь, что перенесен

⁹ И. А. Бунин путешествовал с женой, Верой Николаевной Муромцевой (1881–1961). – Т. 3.

в древность, на землю первобытных богатств и роскоши. Ты знаешь, меня первое время ничто не поражает, но тут я ошалел. Буйство растительности райское и сказочное – могучее, все, все в цвету, зной такой, что дышишь теплом, как от жаровни, но это горячее дыхание нежно, теплично, благовонно...» (Бунин 2007: 172).

Иван Алексеевич пробыл на острове почти месяц, много путешествовал (Коломбо, Канди, ботанический сад в Перадени, Анурадхапура, Нуvara-Элия и др.), тропическая природа и встречи с людьми подарили писателю вдохновение и подсказали сюжеты для рассказов, которые выходили в свет вплоть до 1944 г.

В 1916 г. вышел рассказ «Соотечественник», в котором он описал встречи с неким русским жителем Цейлона, Зотовым, чаоторговцем и предпринимателем, который, видимо, произвел на него большое впечатление: «Он сидит в своей конторе, в старинном доме голландской постройки. За окнами – жаркий белый город, голые черные рикши, магазины драгоценных камней, отели, полные туристов со всех концов земли, в теплой зеленой воде гавани – американские и японские пароходы, за гаванью, на низменных побережьях, – кокосовые леса... Одетый во все белое, рослый, узловатый, огненно-рыжий, с голубой, веснушчатой кожей, бледный и энергично-возбужденный, даже просто шальной, – от зноя, нервозности, постоянного хмеля и деловитости, – с виду он не то швед, не то англичанин. Письменный стол его весь завален бумагами, счетами. Кругом стоит сухой треск ремингтонов. Старик-индус, босой, в халате и тюрбане, бесшумно и быстро меняет своими темными, изящными руками в серебряных кольцах бутылочки холодной содовой воды и поминутно, с таинственной миной, докладывает о посетителях, к каждому слову прибавляя: сэр. А сэр весь поглощен, – или притворяется, что поглощен, – беседой с гостем из России, перед которым он играет роль радушного хозяина этого тропического острова. На столе несколько раскрытых коробок с дорогими сигарами, с турецкими, египетскими, английскими и гаванскими папиросами. Он знаток в табаках, – как и во всем, впрочем, – он угощает то тем, то другим... Мельком взглянув на поданную бумагу, он, среди разговора, твердо и коротко расчеркивается на ней; увидев входящего посетителя, меняет выражение лица, двумя, тремя фразами кончает дело и снова подхватывает прерванную беседу; принимая депешу, разрывает ее как-то особенно небрежно, на мгновение нахмуривается, пробегая: “А, идиоты!” –

крепко выговаривает он с досадой и, отбросив в сторону, тотчас забывает или притворяется, что забывает о ней... У него все идиоты. Он уже успел удивить гостя своей самоуверенностью, решительным и скептическим умом, деловитостью, огромным житейским опытом и несметными знакомствами с людьми самых разнообразных классов и положений. Кого ни назови из московских знаменитостей, – купцов, администраторов, врачей, журналистов, – он всех знает, да хорошо знает и цену каждому из них. А какая у него осведомленность по части всяких закулисных тайн, редких карьер и темных историй!» (Бунин 1966: 398–399). Писатель тонко подметил, что сидевший перед ним человек играл роль знающего всех и вся дельца, одним росчерком пера между беседой решающего какие-то (непреренно важные) проблемы; он «прошел огонь, воду и медные трубы», но он какой-то импульсивный, издерганный, порой непоследовательный, много пьет и непрерывно курит. Что у него творится на душе, на самом деле проглядывает в конце рассказа в заключительных словах главного героя: «И вообще, я человек обреченный... Если бы вы знали, как страшно запутаны мои дела! Еще больше, кажется, чем душа и мысли! Ну, да из всего есть выход. Дернул собачку револьвера, поглубже всунув его в рот, – все эти дела, мысли и чувства разлетятся к чертовой матери!» (Там же: 405).

В фамилии главного героя рассказа Бунина – Зотов, его характеристике и угаданном писателем трагическом конце своего героя угадывается Т. К. Чокков. Трифон Кириллович покончил жизнь самоубийством 13 февраля 1912 г. в своем номере в отеле «Нью Ориентал» города Галле. В предсмертной записке он написал: «Не могу больше терпеть эту боль, знаю, что меня не вылечат, лучше покончить с этим. Я хочу, чтобы меня кремировали, а прах отправили в Россию. Оставляю примерно 300 рупий, чтобы оплатить расходы» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1128. Л. 14). Газета «The Ceylon Independent» писала, что он имел предубеждение против цифры 13, и он скончался на 13-м году жизни на Цейлоне, 13 февраля в номере 13 отеля. По официальному заключению полиции он скончался от приступа стенокардии. На похоронах присутствовало много народа: вся русская колония, консулы зарубежных стран, официальные лица Цейлона (The Ceylon... 1912).

Следующим управляющим вице-консульством после смерти Т. К. Чоккова стал Милешин, служащий чаесторговой фирмы «Щербачев, Чокков и К^о», но вскоре фирма закрылась и он покинул ост-

ров. Уже 28 июля того же года было принято решение, что следующим вице-консулом станет представитель Доброфлота в Сингапуре Борис Петрович Кадомцев (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1128. Л. 23), не дипломат по профессии. Он окончил курс наук по экономическому отделению Политехнического института. Так власти прислушались к рекомендациям Трифона Кирилловича Чокова, но уже после его ухода.

Литература

Баева, Л. В. 2014. Типология и проблемы изучения южнороссийского фронта. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 7. *Философия. Социология и социальные технологии* 2(22): 32–38.

Бунин, И. А. 1966. *Собр. соч.*: в 9 т. Т. 4. М.: Худ. лит-ра.

Бунин, И. А. 2007. *Письма 1905–1919 годов*. М.: ИМЛИ РАН.

Замятина, Н. Ю. 1998. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность* 5: 75–89.

Краснодембская, Н. Г., Соболева, Е. С., Кисляков, В. Н. 2018. *Михаил Степанович Андреев и его вклад в индийские коллекции Музея антропологии и этнографии РАН*. СПб.: МАЭ РАН.

Романова, А. П., Якушенко, С. Н. 2012. Фронтальная теория: новый подход к осмыслению социально-экономической ситуации на юге России. *Инноватика и экспертиза* 2(9): 74–80.

Русские на Цейлоне в XIX – начале XX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: ИВ РАН, 2010.

Толстой, Л. Н. 1955. *Полн. собр. соч.*: в 90 т. Т. 79. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры.

Чиркин, С. В. 2006. *Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата*. М.: Русский путь.

The Ceylon Independent. 1912. February 15.

Архивы

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.